

УДК 94(477)«1921/1930»

doi 10.17072/2219-3111-2024-4-173-182

Ссылка для цитирования: Глушич А. М. За кулисами спорта: несоревновательные практики спортивной дипломатии СССР в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 173–182.

ЗА КУЛИСАМИ СПОРТА: НЕСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СПОРТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР В 1920-Е ГОДЫ

А. М. Глушич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4;

Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, 33
amglushich@hse.ru

Researcher ID: JRW-7451-2023

Scopus Author ID: 58164465300

SPIN-код: 4973-0752

На основании документов Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 537. Оп. 2) впервые в отечественной историографии дается полный анализ несоревновательных практик и инструментов работы спортивной дипломатии СССР в 1920-е гг. Главное внимание уделено деловой переписке Красного спортивного интернационала и Высшего совета физической культуры СССР с зарубежными секциями, которые показывают, что сотрудничество по линии спорта не ограничивалось состязаниями, а включало в себя работу по материально-техническому (закупка инвентаря), организационно-методическому (обучение зарубежных физкультурников по советским лекалам, приглашение в СССР заграничных инструкторов и обмен специализированной литературой), медицинскому обеспечению (набор иностранных специалистов в Государственный институт физиатрии и ортопедии и отправка спортсменов на лечение за рубеж). Под предлогом спортивных нужд проводились и визиты, которые можно характеризовать как технологическую разведку, – посещение советскими чиновниками европейских мотостроительных заводов с целью наладить подобное производство в СССР. Сделан вывод о том, что, несмотря на постоянные призывы руководителей Спортинтерна строго ограничивать спортивную дипломатию исключительно контактами с пролетарскими ячейками, эта практика активно и охотно вовлекалась во взаимодействие с зарубежным «буржуазным» спортом, если это помогало решить материальные сложности, поднять уровень советской физкультуры или обеспечить более продуктивное налаживание связей. Потому можно говорить о спортивной дипломатии в первое десятилетие ее существования как об адаптивной практике, эффективность работы которой зачастую ставилась выше, нежели идеологические предписания.

Ключевые слова: дипломатия СССР, культурная дипломатия, спортивная дипломатия, рабочий спорт, Красный спортивный интернационал (КСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК).

Введение

Спортивная дипломатия сегодня – одно из распространенных направлений внешнеполитической деятельности. Во второй половине XX в. и в наши дни она зачастую используется как часть санкционной политики либо как средство демонстрации политической позиции.

В историографии существует несколько концепций о времени возникновения спортивной дипломатии как регулярной практики в международных отношениях. Ряд историков связывают это с возрождением Олимпийских игр в 1896 г. [Watson, 1992] или работой британского Министерства иностранных дел по налаживанию экономических связей с Европой во время Олимпийских игр 1908 г. в Лондоне [Beacom, 2000]. Но при таком подходе спорт как явление не играет роли, суть заключается в факте проведения крупного форума, на который приедут представители стран всего мира. Кроме того, такие практики не включались системно во внешнеполитическую деятельность государств. Доминирующей же является позиция, согласно которой

утверждение спортивной дипломатии произошло в 1950-е гг. в США, где она выступала в качестве составляющей политики, нацеленной на установление гегемонии американских культурных ценностей [Gygaх, 2005]. Однако первые проекты систематического использования и культуры, и спорта как ее проявления во внешней политике государства, зафиксированные на официальном уровне, мы встречаем именно в дипломатической практике СССР в 1920-е гг.

Уже в 1921 г. был создан Красный спортивный интернационал (КСИ) – формально наднациональный орган, которому было поручено заведование всем «красным спортом» в мировом масштабе. Его прямыми идеологическими противниками были все буржуазные (т.е. профессиональные, непролетарские) спортивные органы (Международный Олимпийский комитет, всемирная футбольная ассоциация ФИФА и др.), а также основанный на год раньше социал-демократический Люцернский спортивный интернационал (ЛСИ).

Главным помощником КСИ должна была стать его самая массовая советская секция, руководителем которой был Высший совет физической культуры (ВСФК) СССР. Изначально модель выглядела следующим образом: Красный спортивный интернационал был консолидирующим органом и коммуникационным центром движения, ВСФК – его главной ресурсной (финансовой и кадровой) опорой. Это обуславливалось тем фактом, что только ВСФК мог напрямую получать дотации от советского правительства, КСИ же являлся наднациональным и формально независимым. Именно эти органы должны были решать поставленные перед спортом внешнеполитические задачи.

Эти задачи соответствовали общим императивам советской культурной дипломатии: во-первых, преодолению политической изоляции СССР и установлению международных контактов через формально неполитические институты; во-вторых, стремлению при помощи спортивных побед и физкультурной пропаганды продемонстрировать миру преимущества и перспективы самосовершенствования граждан советского государства при доминировании коммунистической идеологии и диктатуре пролетариата. Советский спортсмен должен был стать одним из ярчайших прототипов «нового советского человека» [Молостова, 2014, с. 173]. Позднее, в связи с угрозой фашизации Европы в конце 1920-х гг., началось превращение спортивных секций КСИ в ядро дружин самообороны при проведении акций местных компартий.

Однако изначально институциональная модель, подразумевавшая формально главенствующий статус КСИ, оказалась конфликтной в силу принципиального мнения ВСФК о его единоличном праве руководить спортом внутри страны, финансовой слабости Спортинтерна и неадекватных для менталитета спортсменов идеолого-пропагандистских требований КСИ. На протяжении 1920-х гг. велось противостояние между двумя руководящими органами о приоритетах во внешнеполитической работе: «успех через победы» (позиция ВСФК, подразумевавшая только участие в состязаниях и коммуникацию с зарубежными пролетариями исключительно на бытовом уровне) и «успех через пропаганду» (позиция КСИ, отодвигавшая спорт на второй план, ставившая во главу угла участие в митингах и демонстрациях за границей, агрессивную агитацию зарубежных рабочих и т.д.). Такая позиция Спортинтерна наткнулась на противодействие спортсменов, не способных и не желавших становиться профессиональными пропагандистами. В 1930-е гг. модель ВСФК возобладала, но в изучаемое десятилетие это противостояние институций значительно снизило эффективность внешнеполитической работы в сфере спорта. А радикальные позиции КСИ обусловили глубокий раскол между «рабочим» (возглавляемым социал-демократическим Люцернским спортивным интернационалом) и «рабочим революционным» спортом.

В целом работы, посвященные международным спортивным связям в 1920-е гг., можно разделить на три группы согласно подходам к проблеме, которыми руководствовались исследователи.

Первый подход связан с изучением роли спорта в условиях становления различных политических режимов. Исследователи помещают спорт в контекст обострения идеологического конфликта 1920-х гг. и рассматривают спортивное противостояние как иллюстративный материал для репрезентации политической борьбы, анализируют влияние идеологий и политической конъюнктуры на спорт [Arnaud, Riordan, 1996; Kissoudi, 2008]. В этом случае совершенно не уделяется внимание регулярным практикам проведения спортивных встреч, исследования отличаются высокой степенью генерализации. Кроме того, принципы международной деятельности в сфере спорта, декларируемые с трибун, нередко расходились с тем, что впоследствии

происходило в ходе каждодневной работы. Иногда публичная риторика вредила налаживанию отношений с потенциальными союзниками или сбивала с толку союзников действительных. Поэтому изучать публичный дискурс относительно спортивной дипломатии СССР стоит крайне критично, не возлагая на него роль базиса внешнеполитической работы.

Второй подход можно назвать институциональным. Здесь исследователи делают акцент на взаимоотношениях ведущих спортивных организаций (МОК, ЛСИ, КСИ, ВСФК) [Steinberg, 1978; Gounot, 2002; Васильев, 2001; Филиппов, 2012; Боголюбова, Николаева, 2012; Хорошева, 2018a], что логично, поскольку именно возникновение этих противоборствующих структур во многом обусловило появление самой спортивной дипломатии и изучение ведущих акторов позволяет проследить эволюцию отношений внутри рабочего спорта и его связи с буржуазным движением. Однако и в этом случае основное внимание уделяется декларируемым положениям работы организаций (их уставам, риторике руководителей), которые на деле были подчинены изменениям в позиционировании самих государств или вышестоящих органов. Изучение этих институций было бы более продуктивным через обращение к документам прикладного характера: закрытым отчетам о проведенных мероприятиях, переписке, руководствам для выезжающих делегаций.

Наконец, работы в рамках третьего подхода посвящены крупным рабоче-спортивным форумам, т.е. соревновательному инструментарию работы [Хорошева, 2018b; Бакешин, 2018]. В них анализируется процесс подготовки и проведения соревнований в единстве организационных, пропагандистских, финансовых аспектов. В центре внимания находится само соревнование: его ход, результаты, рекорды. И хотя спортивные победы являются частью формирования национального престижа, эту составляющую в контексте тотального доминирования СССР на рабочих состязаниях не стоит переоценивать.

Таким образом, в историографии темы видна очевидная лакуна: за идеологическими дискуссиями и официальными интенциями руководителей малоисследованными остаются прикладные аспекты работы советской спортивной дипломатии. Без обращения к этим вопросам говорить о спортивной дипломатии как о системной внешнеполитической практике невозможно потому, что идеологическая позиция часто наталкивалась на объективные сложности при попытке переноса ее в догматичном виде на уровень повседневного взаимодействия. И если соревновательные методы работы (особенно Спартакиады) были отчасти изучены, то несоревновательные формы взаимодействия остаются полностью за пределами исследовательского взгляда.

Данная статья, во-первых, призвана отчасти ликвидировать указанную лакуну благодаря сведениям из спортивной периодики и ранее не задействованных материалов Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 537. Оп. 2), содержащих главным образом переписку КСИ и ВСФК со спортивными ячейками всего мира, во-вторых, скорректировать сложившуюся в историографии (особенно англоязычной) позицию о времени появления спортивной дипломатии как системного явления во внешней политике.

От медицины до идеологической подготовки: многообразие форм несоревновательного взаимодействия

Особенно частым явлением были командировки лидеров КСИ и ВСФК за рубеж для участия в съездах и совещаниях местных секций. Любопытно, что в таких случаях не действовали традиционные для спортивных выездов визовые преференции Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) (обычно визы для командировки команды за рубеж оформлялись списочно в течение всего двух недель вместо обычных полутора-двух месяцев) (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 110. Л. 98). Чиновникам для получения виз приходилось обращаться напрямую к посольствам зарубежных государств. Командируя одного из виднейших деятелей КСИ И. Жолдака в Германию, Спортинтерн в телеграмме в посольство вынужден был упоминать и о том, что уже много раз посылал туда работников, которые даже заканчивали курсы в Берлине, и об исключительных успехах германского спорта, опыт которого просто необходимо перенять, и о выдаче Жолдаку средств, и о дальнейших финансовых гарантиях (Там же. Д. 109. Л. 50). Аналогична процедура со стороны ВСФК, отправляющего в Голландию своего представителя Зис-

кинда (Там же. Л. 58). Таким образом, для индивидуальных выездов даже руководителей советских органов физкультуры никаких преимуществ не предполагалось.

Однако не все поездки носили формальный характер. Наглядным примером служит командировка заместителя председателя автомотвелосекции ВСФК В. Ф. Борисова в Берлин, Париж и Ригу в 1926 г. с целью ознакомления как с местной промышленностью (посещение заводов, производящих машины), так и с организацией соревнований по этим видам спорта (осмотр местных велодромов и автодромов).

Данная отрасль спортивных состязаний находилась в СССР лишь в зачаточной стадии своего развития именно из-за недостатка обеспечения. В декабре 1926 г. секретарь Архангельского губкома обращался в письме к руководителю КСИ Подвойскому с целью посодействовать ввозу в СССР мотоцикла из-за рубежа для одного из лучших спортсменов – московского рабочего Давида. Советские таможенники разрешения не давали, а соревноваться на высоком уровне на машинах советского производства было на тот момент невозможно (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 126. Л. 41, 42). Неизвестно, чем разрешилась ситуация, но для характеристики состоянию дел в мотоспорте – случай показательный.

В отчете же о поездке Борисова с удовлетворением отмечается о согласии французских и немецких строителей в передаче опыта по сооружению арен, а также в конструкторской сфере – производству специальных «мотоциклов для лидирования», которых в настоящее время в СССР нет (мотоциклы, обладающие стабильно высокой скоростью для того, чтобы возглавлять гонки стайеров, т.е. заезды на длинные дистанции) (Красный спорт, 1926, № 12, с. 1). Такие командировки имели большое значение как для развития мотоспорта, так и для повышения общего уровня автомобиле- и мотостроения, следовательно, для укрепления материально-технической базы советского государства в целом.

Не только чиновники, но и спортсмены выезжали за рубеж не для состязаний. В 1927 г. в Германии несколько месяцев гостил самый известный советский боксер Градополов. Целью являлось «изучить постановку бокса», для чего он посещал школу бокса, которая была открыта несколькими месяцами ранее в присутствии российской делегации в качестве почетных гостей (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 41. Л. 48), и Спортивный дворец Союза тяжелоатлетов.

Из затруднений визита отмечался недостаток финансового обеспечения, ставший притчей во языцех относительно большинства спортивно-дипломатических мероприятий, особенно в Германии. Постпред СССР Крестинский в письме руководителю КСИ Подвойскому в 1926 г. указывал, что с 1924 г. постпредству приходится постоянно оказывать помощь приезжающим советским командам в размере от 100 до 300 долларов, причем существуют непогашенные долги уже практически трехлетней давности, что становится объектом пристального внимания НКВД в контексте общей финансовой отчетности (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 126. Л. 25, 26).

Кроме того, обращали внимание на «крайне слабое знание Градополовым немецкого языка» (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 41. Л. 46). В данном случае столь странный выбор кандидата для обмена опытом диктовался, скорее всего, не какими-то тайными указаниями, но именем спортсмена: предполагалось, что, безоговорочно лучший в СССР боксер сможет достойно представить страну на возможных демонстрационных встречах, а методику подготовки немцев – перенять и без активной коммуникации, на физическом уровне. По крайней мере, его приезд не мог не заинтересовать немецкую публику, а создание ажиотажа в пролетарских массах всегда было одной из первейших целей в работе спортивной дипломатии, зачастую – даже важнее победы как таковой.

Случались выезды, изначально никак не связанные с нуждами спортивной дипломатии. Весной 1927 г. один из видных советских футболистов П. Канунников, страдая от последствий травм, прошел в Государственный институт физиатрии и ортопедии (ГИФО) обследование у немецкого профессора Вегнера, в результате которого ему была рекомендована операция у профессора Фромме, работавшего в больнице Дрездена. После обращений в вышестоящие инстанции Канунникову не только разрешили выезд в Германию, но и оплатили лечение из средств ВСФК.

Однако руководящие органы решили не терять возможности, и совсем избежать «спортивно-дипломатической миссии» не удалось: по дороге в Дрезден Канунников посетил матч буржу-

азных команд Берлина и Парижа, написав о нем отчет в газету «Красный спорт», а затем сыграл за сборную советского Торгпредства, выступавшую в немецком рабочем первенстве. Относительно как рабочих, так и буржуазных команд был дан уверенный комментарий о соизмеримом или даже более высоком классе советских футболистов (Красный спорт, 1927, № 21, с. 3).

По поводу спортивной медицины и физической подготовки остродискуссионным был вопрос о приглашении зарубежных спортивных инструкторов. КСИ резко возражал против такой практики, считая ее «антипролетарской». Против этой позиции выступали ВСФК и комсомол, резонно отмечая, что «пролетарская система физкультуры не может быть построена без использования всего лучшего и приемлемого в буржуазной физкультуре (при строго критическом подходе), равно как не стоит распространять еще не сформированную, псевдопролетарскую методику физкультуры на иностранные секции КСИ» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 9). А потому Спортинтерн не смог предотвратить ни приезд инструктора по футболу из Англии (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 127. Л. 12), ни приглашение в Инфизкульт (ГЦОЛИФК, главное учебное заведение по подготовке физкультурников) тренера по врачебной гимнастике из Берлина Куреллы, о чем сообщалось даже на страницах периодических изданий (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 125).

Государственный институт физиатрии и ортопедии также приглашал для работы зарубежных врачей. В 1926 г. ВСФК, высылая приглашение в СССР известному чехословацкому ученому-физиотерапевту Бенаку, прямо писал о том, что стремится приглашать профессоров из-за рубежа для обмена физкультурным опытом с Западной Европой (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 93. Л. 88).

Не сумев противостоять таким тенденциям на практическом уровне, КСИ активно вел работу по предотвращению попадания этих сведений зарубежным коллегам. Так, в ходе поездки советской делегации в Австрию в 1928 г. была проведена мощная информационная кампания сразу в нескольких австрийских рабочих газетах. Основным мотивом был непрерывный прогресс советского спорта благодаря поддержке государства, профсоюзов и массовому вовлечению трудящихся, но также был сделан следующий акцент (в газете «Аматер Фуссбол» – крупным шрифтом прямо по центру первой страницы): «Особенно достойно внимания то обстоятельство, что русские футболисты достигли своего высокого искусства собственными силами, т.к. заграничные инструктора и даже массажисты не приглашаются в Россию» (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 109. Л. 15).

В тех условиях, когда сведения о происходившем внутри СССР заграничные издания могли черпать только из материалов, которые присылали им работники КСИ, понятно, что произошел успешный акт утаивания «неудобной» с точки зрения Спортинтерна информации. Это один из немногих прецедентов, когда разногласия между ВСФК и КСИ все-таки удалось превратить в синтез как физкультурной, так и информационной победы. Также очевидно, что советское руководство осознавало более высокий уровень спортивной медицины и тренерского мастерства на Западе и не боялось перенимать заграничный опыт.

Однако даже руководители КСИ отнюдь не возражали против обучения зарубежных физкультурников по советским стандартам или же в самом СССР. Например, в 1927 г. один из лидеров комсомола Палестины В. Керцман был зачислен по линии Спортинтерна в Инфизкульт, а уже спустя год отправился в командировку на родину как инструктор с задачей наладить работу с советским спортивным инвентарем (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 110. Л. 13). В 1930 г. двигался даже проект создания школы Красного спортинтерна для «спортивно-политической и спортивно-технической переподготовки» низового управленческого состава физкультурных секций, но эта идея не была реализована (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 189. Л. 18).

Иная практика приводилась в жизнь в отношении Чехословакии. Там после Первой мировой войны было возрождено «реакционное» общество «Сокол», и большая часть рабочих активно занималась спортом именно в составе «сокольских» ячеек. Руководители «красных» секций сетовали на то, что переманить этот актив сложно не только из-за преследований со стороны властей, а также финансовых и инфраструктурных трудностей, но и из-за слабости в идеологическом смысле. Местные коммунисты-физкультурники слабо осознавали отличия проле-

тарского и «сокольского» спорта, совершенно не были знакомы с методами советской физической культуры. Сами же отличия виделись главным образом в том, что «сокольцы» делали акцент на работу с инвентарем (турники, брусья), которая совершенно не развивала военно-прикладные навыки, а именно формирование из физкультурников зарубежья дружин самообороны станет одно из основных целей на рубеже 1920–1930-х гг. в условиях противостояния фашизации спорта. Кроме того, «сокольцы» не ставили своей целью достижение массовости движения, а ведь именно количественные, а не качественные критерии были главным показателем успеха зарубежных секций, по мнению КСИ (Красный спорт, 1924, № 12, с. 2).

В силу того, что чехословацкий пролетариат был куда более многочисленным, чем в той же Палестине, не представлялось возможным организовать подготовку нужного количества специалистов через отправку кандидатов в Москву. Поэтому в Чехословакию были приглашены два советских инструктора, которые провели двухнедельные обучающие курсы переподготовки для руководителей физкультурных ячеек, включавшие в себя как теоретические лекции, так и практические занятия на свежем воздухе (в отчете особенно подчеркивалось, что именно занятия на природе, без тренажеров, считаются «наиболее пролетарскими» и отвечающими текущим задачам). Всего курсы прошли 156 участников, из них 54 – женщины (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 186. Л. 97, 98).

Такого успешного применения этого варианта спортивного взаимодействия в других странах мы не встречаем, обычно методологическая помощь ограничивалась посылкой соответствующей литературы. Проведение подобной физкультурной «спецоперации», очевидно, было вызвано особым вниманием к Чехословакии как к одному из центров рабочего спорта всей Европы и как к старейшему члену Красного спортинтерна, где ни в коем случае нельзя было проявить слабинку.

На Западе также приобретали необходимый для тренировок спортивный инвентарь. Теннисные мячи закупались главным образом у британской компании *F.A. Davis Limited* (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 73. Л. 68). Кроме того, согласно письму из ЦК Компартии Германии, доктор Блох, врач харьковской команды футболистов, посещавших страну в 1926 и 1927 гг., регулярно осуществлял закупки на крупном спортивном складе «Фихте» в Берлине. Там приобретали не только сложный инвентарь, но и мелочи наподобие флажков, судейских нашивок, финишных ленточек для соревнований по легкой атлетике. Эта обеспеченность была своеобразной немецкой фишкой; даже в качестве подарков приезжим советским командам вручали не символические атрибуты, а практичные спортивные вещи, например, ватерпольные мячи (Красный спорт, 1927, № 15, с. 2). Закупки на складе осуществлялись в долг, в связи с чем руководитель агитпропа Коммунистической партии Германии Цобель неоднократно просил как можно скорее возместить эти средства (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 73. Л. 47).

И такая ситуация не была уникальной. Летом 1926 г. сопровождающий другой делегации Матросов осуществил закупку нескольких велосипедов для советских спортсменов, однако спустя год треть долга в 450 марок была не погашена. Тот же Цобель откровенно говорил о политическом вреде и потере доверия к КПГ со стороны спортивных обществ (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 41. Л. 21). Не вполне ясно, почему советские органы допускали подобные промахи раз за разом. Если саму покупку в долг можно оправдать невозможностью провезти необходимую сумму наличными за границу, то подрыв авторитета из-за просрочки обязательств представляется скорее следствием халатности и несогласованности работы советских физкультурных органов. Это тем более удивительно, учитывая техническую безальтернативность подобных закупок в силу отсутствия соответствующих производств в СССР.

Наконец, руководители спортивной дипломатии охотно заимствовали новые формы взаимодействия из внутренних советских практик. С середины 1920-х гг. распространилось прикрепление зарубежных секций и отдельных спортивных клубов к физкультурным организациям в СССР, так называемое шефство. Оно зародилось в отношениях между Российским коммунистическим союзом молодежи (РКСМ) и Красным флотом в 1922 г. Региональные комсомольские организации были прикреплены к флотам и вели работу по сбору средств, пропаганде среди масс важности флотской службы, воспитательной работе внутри личного состава флотов и отдельных

судов [Моисеев, 2018, с. 1]. Поэтому неудивительно, что инициатором перенесения такой практики на взаимоотношения советских и зарубежных физкультурных секций стал комсомол.

Порядок был следующим: советская краевая организация начинала налаживать связи с зарубежной ячейкой, с которой могла обеспечить регулярную связь, после чего выступала с инициативой принять шефство над этой ячейкой. Вопрос рассматривался в Президиуме ВСФК и получал свое разрешение, зачастую – положительное. Этот метод работы был рассчитан прежде всего на те секции, которые уже давно были членами КСИ, либо те, в которых существовало сильное сочувствующее Спортинтерну движение. Началом этой практики можно считать 1926 г.

Исполнять функцию шефов зачастую приходилось физкультурным организациям не столько РСФСР, сколько Украины, Белоруссии и Закавказья. В конце 1926 г. белорусские физкультурники взяли шефство над несколькими польскими ячейками, и в том же году захотели укрепить связь с соратниками, считая заключенный договор недостаточно конкретным: «Подшефным революционным спортивным организациям Польши от красных физкультурников Советской Белоруссии! Посылаем средства, собранные для вас физкультурниками. Просим сообщить, каким образом возможна связь с отдельными вашими красными объединениями для того, чтобы каждый из наших десяти округов был прикреплен отдельно к вашей организации» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 35). Из этого фрагмента ясно, что шефство заключалось не только в организации совместных состязаний и методической помощи, но и в материальной поддержке зарубежных ячеек; одной из целей было проникновение на низовой уровень взаимодействия, когда соглашение заключалось не с рабочим союзом зарубежного государства, но с физкультурными организациями на местах, что способствовало более тесной координации усилий.

В октябре 1927 г. ВСФК издал циркуляр, в котором установил полный список подшефных организаций. Документ был опубликован в печати. Целесообразно привести этот список полностью, так как он дает четкое представление о векторах работы советской спортивной дипломатии в этот период: «1) Франция – Урал, Вятка; 2) Норвегия – Ленинград, Смоленск, Брянск, Новгород; 3) Аргентина – Н. Новгород, Самара, Сталинград; 4) Германия: Берлин – Москва, Лейпциг – Ивано-Вознесенск, Гамбург – Ярославль; Северная и Южная Бавария – Немецкое Поволжье; 5) Рейнская область – Казань; 6) Макленбург – Тула; 7) Силезия – Уфа; 8) Померанц – Тверь; 9) Галемерзенбург – Владимир; 10) Баден – Воронеж; 11) Вюртенберг – Курск; 12) Тюрингия – Тамбов; 13) Данциг – Астрахань; 14) Бремен – Кострома; 15) Чикаго, Уругвай, Нью-Джерси, Канада – Сибирь; 16) Италия – Северный Кавказ; 17) Швеция – Карелия, Архангельск; 18) Финляндия – Ленинград, Псков, Мурманск, Череповец; 19) Болгария – Орел» (Красный спорт, 1927, № 42, с. 2).

Исходя из этих данных можно констатировать, что Германия, особенно после заключения договора о соревнованиях с СССР, считалась ключевым партнером, несмотря на членство союза в ЛСИ. Число встреч с немецкими клубами было примерно равным количеству состязаний с представителями всех остальных стран, поэтому практически все шефские города располагались в юго-западной части РСФСР для удобства коммуникации. Подобный подход характерен и для стран Скандинавии, связи с которыми также были интенсивными.

В отношении других стран и регионов распределение было менее детальным. Контакты с США находились на начальном этапе, оттого целую страну заменили ее два крупных города, прикрепленные вместе с Канадой к Сибири. Не оправдалось столь пристальное внимание к Аргентине. Несмотря на то что она осталась в орбите влияния КСИ, вовлечь ее спортсменов в постоянный контакт с советскими физкультурниками не удалось. В Италии и Болгарии рабочий спорт был полностью уничтожен властями, и прикрепление перестало быть актуальным (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 23. Л. 72, 73).

Перспективы шефства оценили и в Спортинтерне. В 1927 г. Комиссия КСИ издала «Положение о смычке», а уже на заседании секретариата КСИ 4 февраля 1930 г. констатировалось «массовое прикрепление советских физкультурников на фабриках и даже целых районов к зарубежным спортивным организациям» (РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 190. Л. 17). Практика шефства прижилась и получила широкое распространение.

Заключение

Взаимодействие СССР с зарубежьем по линии спортивной дипломатии отнюдь не ограничивалось только соревнованиями. Необходимость работы по другим направлениям обычно была обусловлена двумя факторами.

Первый из них – необходимость количественного прироста зарубежных спортивных секций и в дальнейшем их превращение в ядро дружин самообороны местных компартий. Для этого требовалась очевидная интенсификация как учебно-методологической, так и пропагандистской работы. В базовой версии это включало в себя обмен литературой и командировки представителей ВСФК и КСИ для участия в локальных спортивных конференциях. Более продвинутый вариант – обучение местных физкультурников советской методике и базовым принципам пролетарского спорта путем командировок их в СССР или подготовка кадров непосредственно на местах, а также прямая коммуникация с зарубежными физкультурниками благодаря заключению договоров о шефстве между иностранными и советскими секциями.

Второй аспект связан с тем, что молодая советская физкультура все же очевидно уступала зарубежью в оснащенности, производственных возможностях. Это обусловило усиленную работу по нескольким направлениям.

Стремясь модернизировать материально-техническую базу, руководители сначала хотели изучить постановку вело- и мотостроения за рубежом путем визитов на заводы и закупок зарубежной техники, а затем наладить производство в СССР. В перспективе эта работа выходила за рамки спорта.

Постоянным экономическим каналом с Германией по спортивной линии была закупка специализированного инвентаря. Однако, несмотря на регулярность таких операций, они столь же часто становились причиной недовольства компартии Германии вследствие финансовых оплошностей советской стороны, выливавшихся в долги самой партии перед поставщиками. Тем не менее это недовольство не выходило за пределы закрытой переписки, а сами поставки не обрывались.

Наконец, руководители ВСФК, в отличие от коллег из Спортивного интернационала, требовавших построить лучшую в мире систему пролетарской физкультуры исключительно своими силами, прекрасно осознавали необходимость заимствования иностранных методик для повышения соревновательного уровня советских спортсменов, а потому активно приглашали в страну заграничных инструкторов (главным образом по футболу и атлетике, в зимних видах СССР и без того обладал спортсменами высочайшего уровня). Это же касалось достижений спортивной медицины: физиотерапевты из Германии работали в ГИФО, а наиболее выдающиеся спортсмены могли отправлять на лечение за рубеж за государственный счет.

Таким образом, инструментарий работы молодой советской дипломатии в 1920-е гг. уже был достаточно широк и не ограничивался спортом как таковым. Проанализированные в статье соревновательные методы работы советских органов показывают, насколько широк был инструментарий, регулярно применяемый для достижения различных целей: установления медицинского и методологического сотрудничества с зарубежьем, распространения социалистической идеологии, расширения культурных обменов и даже усовершенствования материально-технической базы СССР. Все это позволяет констатировать, что спорт был системно включен во внешнеполитические практики советского государства уже в первое десятилетие его существования.

Список источников

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 9, 35; Ф. 537. Оп. 1. Д. 73. Л. 47, 68; Д. 126. Л. 25, 26, 41, 42; Д. 127. Л. 12; Д. 189. Л. 18; Д. 190. Л. 17; Д. 240. Л. 125; Оп. 2. Д. 23. Л. 72, 73; Д. 41. Л. 21, 46, 48; Д. 93. Л. 88; Д. 109. Л. 15, 50, 58; Д. 110. Л. 13, 98; Д. 186. Л. 97, 98.
Красный спорт: газета. 1924. № 12. С. 2; 1926. № 12. С. 1; 1927. № 15. С. 2; 1927. № 21. С. 3; 1927. № 42. С. 2.

Библиографический список

- Бакешин К.П.* К 90-летию первой международной зимней рабочей Спартакиады в Норвегии // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 1 (155). С. 30–34.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Политология. Международные отношения. 2012. № 2. С. 107–114.
- Васильев А.А.* Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. / СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2001. 209 с.
- Моисеев В.И.* Шефство над Красной армией и флотом в период 1921–1940 гг. // Ученые записки Новгород. гос. ун-та им. Я. Мудрого. 2018. № 4(16). С. 1–18.
- Молостова Е.С.* Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. 2014. № 9. С. 168–175.
- Филиппов А.Н.* Международные контакты советского спорта 1920–1930-х годов: противостояние Красного и Люцернского Спортинтернационалов // Вестник Костром. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 338–341.
- Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Моск. ун-та. История. 2018a. № 5. С. 86–105.
- Хорошева А.В.* «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение // Свободная мысль. 2018b. № 2. С. 5–22.
- Arnaud P., Riordan J.* Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport. New York: Routledge, 1996. 240 p.
- Beacom A.* Sport in International Relations: a Case for Cross-Disciplinary Investigation // The Sports Historian. 2000. No. 20(2). P. 1–23.
- Gounot A.* Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937 // Journal of Sport History. 2002. No. 28(1). P. 23–39.
- Gygax J.* American Sports and Cultural Diplomacy: Persuasion and Propaganda during the Cold War // Relations Internationals. 2005. Vol. 123. P. 87–106.
- Kissoudi P.* Sport, Politics and International Relations in the Twentieth Century // The International Journal of the History of Sport. 2008. No. 25. P. 1689–1706.
- Steinberg D.* The Workers' Sport Internationals 1920–28 // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13, no. 2. P. 233–251.
- Watson A.* The Evolution of International Society. London: Routledge, 1992. 338 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.11.2023

BEHIND THE SPORTS SCENES: NON-COMPETITIVE PRACTICES OF SPORTS DIPLOMACY OF THE SOVIET UNION IN THE 1920s

A. M. Glushich

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia;

Sevastopol State University, Universitetskaya str., 33, 299053, Sevastopol, Russia

amglushich@hse.ru

Researcher ID: JRW-7451-2023

Scopus Author ID: 58164465300

SPIN: 4973-0752

Based on the documents from the Russian State Archive of Socio-Political History, the article provides a complete analysis of the non-competitive practices and tools of sports diplomacy employed by the Soviet Union in the 1920s. The primary focus is on the business correspondence between the Red Sports International, the Supreme Council of Physical Culture of the USSR and their foreign sections, revealing that cooperation in sports extended far beyond mere competition. These interactions included logistical efforts (such as purchasing equipment), organizational and methodological support (training foreign athletes using Soviet patterns, inviting foreign instructors to the USSR, and exchanging specialized literature), and medical assistance (recruiting foreign

specialists to the State Institute of Physiatry and Orthopedics and arranging overseas treatments for athletes). Under the pretext of sporting needs, visits were also conducted that can be characterized as technological reconnaissance: Soviet officials toured to European engine factories with the intention of replicating similar production facilities in the USSR. Despite persistent appeals from Sportintern leaders to restrict sports diplomacy exclusively to contacts with proletarian cells, this practice was actively and willingly involved in interaction with foreign “bourgeois” sports when it served practical purposes, such as raising the standards of Soviet physical education, or ensuring more productive networks. Thus, sports diplomacy in the first decade of its existence can be described as an adaptable practice, the effectiveness of which often superseded ideological constraints.

Key words: Soviet diplomacy, cultural diplomacy, sports diplomacy, workers' sports, Red Sports International (RSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC).

References

- Arnaud, P. & J. Riordan (1996), *Sport and International Politics: Impact of Fascism and Communism on Sport*, Routledge, New York, USA, 240 p.
- Bakeshin, K.P. (2018), “On the 90th anniversary of the first International Winter Workers' Spartakiad in Norway”, *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, № 1 (155), pp. 30–34.
- Beacom, A. (2000), “Sport in International Relations: a case for cross-disciplinary investigation”, *The Sports Historian*, № 20 (2), pp. 1–23.
- Bogolyubova, N.M. & Yu.V. Nikolaeva (2012), “The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, № 2, pp. 107–114.
- Filippov, A.N. (2012), “International contacts of Soviet sports in the 1920s–1930s: confrontation between the Red and Lucerne Sports Internationals”, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 1, pp. 338–341.
- Gounot, A. (2002), “Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921-1937”, *Journal of Sport History*, № 28(1), pp. 23–39.
- Gygax, J. (2005), “American Sports and Cultural Diplomacy: Persuasion and Propaganda during the Cold War”, *Relations internationales*, vol. 123, pp. 87–106.
- Horosheva, A.V. (2018), “The “Proletarian” Spartakiad of 1928 and the “bourgeois” Olympic Movement”, *Svobodnaya mysl'*, № 2, pp. 5–22.
- Horosheva, A.V. (2018), “The work of the Red Sports International in the late 1920s – early 1930s”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya*, № 5, pp. 86–105.
- Kissoudi, P. (2008), “Sport, Politics and International Relations in the Twentieth Century”, *The International Journal of the History of Sport*, № 25, pp. 1689–1706.
- Moiseev, V.I. (2018), “Patronage of the Red Army and Navy in the 1921–1940”, *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo un-ta im. Ya. Mudrogo*, № 4(16), pp. 1–18.
- Molostova, E.S. (2014), “Models of the “New Man” in the Soviet period: approaches to transhumanism”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 9, pp. 168–175.
- Steinberg, D. (1978), “The Workers' Sport Internationals 1920–28”, *Journal of Contemporary History*, vol. 13, № 2, pp. 233–251.
- Vasilyev, A.A. (2001), *Zarozhdenie i razvitie mezhdunarodnykh svyazey sovetskogo sporta v 1920-e gg.* [The origin and development of international relations of Soviet sports in the 1920s], PhD dissertation, SGU im. N.G. Chernyshevskogo, Saratov, Russia, 209 p.
- Watson, A. (1992), *The Evolution of International Society*, Routledge, London, UK, 338 p.